

городком, и, поскольку ничего примечательного там не случилось, писать о ней было нечего. Это понятно. Лаврентьевская же посвящает взятию Москвы особый рассказ, наполовину состоящий из описания действий в Византии в X в. дружины князя Игоря, как было показано выше. Сказать о Москве редактору было почти нечего, а сказать, стало быть, хотелось. Это стремление едва ли правдоподобно объяснимо применительно к XIII в. — равно к 30-м или к 80-м годам, но совершенно естественно во второй половине XIV в. Примечательно также, что гибель московского воеводы трактована в Лаврентьевской летописи как мученичество за веру: «взяша Москву Татарове, и воеводу убиша, Филипа Нянка, за правовѣрную христьянскую вѣру» (л. 160). Это несомненная неправда: при взятии татарами сходу города у воеводы этого города были все причины погибнуть, кроме одной — вероисповедной.

Изучая кодекс Лаврентьевской летописи и судя по особенностям чередования так или иначе разлинованных листов, по местам вторжения в рукопись третьего почерка и пробелов и по вклейке листов, я пришел к выводу, что листы 158—161 заменялись в рукописи дважды. Значит, дважды переделывалась первая часть повести. О характере вторичной переделки я мог сказать лишь то, что текст был в сравнении с предшествующим ему укорочен, так как лист 161, последний лист этой части, содержит значительно меньший, чем обычно на листе Лаврентия, текст.

Большую часть интересующего нас места занимает начинающийся сразу же за периодом, посвященным Москве, рассказ о случившемся в 1237 г. с городом Владимиром (лл. 160—161 об.), причем версия Лаврентьевской имеет существенные смысловые отличия от рассказа о том же Ипатьевской летописи. Согласно Ипатьевской, оборона владимирцев была прекращена в первый же день князем Всеволодом, сыном оставившего город Юрия: «Тотаром же пороки град бьющемъ, стрелами бещисла стрѣляющим, се увидѣвъ князь Всеволод, яко крѣпчѣ брань належить, убояся. Бѣ бо и сам млад. Сам из града изииде с малом дружины и несы с собою дары многии, надѣяше бо ся от него живот прияти. Он же, яко свѣрпыи звѣрь, не пощади уности его: велѣ пред собою зарѣзати. И град в(е)сь избѣе». Малодушие Всеволода Юрьевича резко оттеняется помещенным несколькими строками ниже рассказом о семи неделях сопротивления завоевателям жителей града Козельска во главе с их — тоже молодым — князем Василием. Эти люди «ум крѣпкодушныи» имели, и Батю «словесы лестными не возможно бѣ град прияти».

В Лаврентьевской же летописи не сказано о капитуляции города Владимира и гибели Всеволода (равно как и об обороне Козельска). Однако северо-восточный летописец-современник не мог не знать об этом немало важном для темы рассказа событии. И, как мы увидим, действительно знал. Согласно Лаврентьевской, взятие Владимира обстояло гораздо менее безотрадно: внешние укрепления, стены «нового града», татары преодолели с боем, «по примосту». После этого «бѣжа Всеволод и Мстислав и вси людье бѣжаша в Печернии город». Не говоря больше о «Печернем» (?) городе и князьях, рассказчик сразу переходит к гибели епископа, матери Всеволода, его жены, сестры, бояр и прочих людей, в поисках спасения укрывшихся в храме. Всеволода в храме не было.

О правильности версии Ипатьевской летописи и о том, что редактор рассказа прекрасно знал, как погиб Всеволод, и, следовательно, сознательно выпустил эту часть повествования (как, вероятно, и ту, где говорилось о посольствах к великому князю Юрию), становится ясно из фразы на л. 162: «приде вѣсть к великому князю Юрью: Володимѣрь взят (...), а старѣишая с(ы)на, Всеволод с братом, внѣ града убита».